

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ МОРФЕМ

Как известно, термины «морфема», «морф» и т. д. понимаются лингвистами далеко не единообразно. В данной статье условимся считать, что морфема есть минимальный языковой знак, т. е. такая единица языка, в которой за определенным экспонентом (означающим), манифестированным так или иначе с помощью звуковой материи, общественно закреплено определение содержания (означаемое) и которая неделима на какие-либо более простые единицы, обладающие тем же качеством.

Это определение не накладывает на понятие морфемы никаких добавочных ограничений. Так, от морфемы не требуется, чтоб она была рекуррентной, т. е. встречалась бы в нескольких разных комбинациях с другими морфемами. Помимо рекуррентных (мультивалентных) морфем есть и уникальные (унивалентные), представленные всегда только в одном определенном морфемосочетании и тем не менее морфологически неделимые. От морфемы не требуется, далее, чтоб она была частью слова. Как писал В. В. Виноградов, «есть очень много слов, которые являются только морфемами, и морфем, которые иногда еще являются словами»¹. От морфемы не требуется также, чтоб она была сегментной или хотя бы линейно выделяемой, т. е. манифестировалась бы отрезком звуковой цепи или нулем звука, локализуемым в определенной точке звуковой цепи. Помимо морфем, имеющих сегментный или нулевой экспонент, есть также морфемы с разного рода супрасегментными экспонентами. И наконец, от морфемы не требуется даже, чтобы она обязательно обладала

¹ Виноградов В. В. О формах слова // Избр. труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 35.

значением в обычном смысле, т. е. чтобы она указывала на нечто вне языка. Значение морфемы может исчерпываться специфической внутрикодовой информацией.

Минимальность морфемы не следует, конечно, понимать как абсолютную нечленимость. И экспонент морфемы и ее содержание могут члениться дальше, но только независимо друг от друга. Существенно, что морфема, как билатеральная единица, дальше не членится на билатеральные единицы и отдельные элементы содержания морфемы не закрепляются за отдельными частями ее экспонента.

Что касается термина «морф», то его правомерно применять только в том случае, когда имеются в виду речевые репрезентанты морфемы. Морф, таким образом, это конкретный экземпляр морфемы в конкретном тексте. В отличие от морфов варианты морфемы представляют уже определенную ступень абстракции. Они принадлежат языку, тому уровню языка, который Э. Косериу называет уровнем нормы. За вариантами целесообразно закрепить термин «алломорфема» («эмический» суффикс подчеркивает, что перед нами нечто, принадлежащее языку, а не одной только речи). Алломорфемами при этом признаются как экспонентные варианты типа *пек-*, *печ-* в *пеку*, *печешь*, так и содержательные варианты, например: 1) корень *пек-* (или *печ-* и т. д.) в смысле 'приготовление пищи сухим нагреванием' и 2) тот же корень в смысле 'обдавание зноем, жаром' или в смысле 'ощущение жара, жжения'.

По отношению к своим вариантам морфема выступает как инвариант. Парадигматическое тождество морфемы как инварианта обеспечивается несовпадением двух ее варьирований, экспонентного и содержательного, перекрестной связью, существующей между экспонентными и содержательными вариантами одной морфемы.

Семантическая типология морфем строится на базе ряда противопоставлений. Первое, более или менее традиционное, — это противопоставление лексических и грамматических значений морфем. Но о разграничении этих двух видов значения написано много, и сейчас целесообразнее заняться другими противопоставлениями, которые разработаны меньше, а именно: а) противопоставлением собственно семантических функций морфем (без подразделения на лексические и грамматические) и их служебно-семантических функций и б) противопоставлением морфем по характеру отношения их значения к значению целого, в состав которого эти морфемы входят.

Собственно семантические функции наблюдаются там, где морфемы более или менее прямо указывают на нечто, лежащее вне языка. Именно наличие внеязыкового референта есть

признак, определяющий наличие у языкового элемента значения в собственном смысле. Напомним определение семасиологии (семантики) у Бодуэна де Куртене: «...наука о значении или об ассоциациях внеязыковых представлений (идей) с представлениями строго языковыми»². В качестве примеров собственно семантических функций морфем можно указать на значения корней знаменательных слов, на такие деривационные значения аффиксов, как 'женскость', 'невзрослость', 'собираемость', 'ингрессивность', 'ограничение длительности' и т. д., в частности и на значения суффиксов субъективной оценки. У морфемы с «ласкательным» значением, например, у суф. -к- в *молочко*, есть внеязыковой референт, хотя и не в окружающем нас предметном мире, а в психике, во «внутреннем мире» человека. Примерами собственно семантических функций являются далее такие значения грамматических морфем, как 'множественность', 'усиленная степень качества', 'предшествование', 'одновременность', 'действие говорящего лица', 'действие собеседника', 'причина', 'цель', 'условие' и т. д.

Служебно-семантические функции морфем наблюдаются там, где морфемы указывают на отношения между языковыми элементами или оформляют языковые единицы определенным образом, обеспечивающим их использование в составе единиц более высокого яруса. Выполняя служебно-семантические функции, морфемы несут внутрикодовую (служебную) информацию, они информируют о синтагматических или парадигматических отношениях между элементами языка, о формальных классах этих элементов и т. п. Лишь косвенным образом такая информация может быть иногда связана с указанием на какие-то различия во внеязыковой действительности.

Примерами служебно-семантических функций морфем могут служить указания на согласовательный класс (грамматический род и т. п.), на тип склонения или спряжения, на факт подчиненности одного слова другому или придаточного предложения главному.

С точки зрения обязательности своего выражения в языках мира собственно семантические функции морфем могут быть либо универсальными, либо идиоэтническими. Но даже в последнем случае они всегда переводимы, т. е. их можно выразить — хотя бы описательно — при переводе на другой язык. Напротив, служебно-семантические функции морфем принципиально идиоэтничны. Они

² Бодуэн де Куртене И. А. *Языкознание* // Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 100.

всецело принадлежат формальной структуре данного конкретного языка, составляют его техническую специфику, его «кухню». Они принципиально непереводимы. Более того, вопрос об их передаче при переводе даже и не возникает.

Собственно семантические и служебно-семантические функции часто совмещаются в содержании одной и той же морфемы. С учетом этого можно выделить следующие группы морфем: 1) морфемы — носители собственно семантических функций; 2) морфемы — носители технических, служебно-семантических функций; 3) морфемы, совмещающие собственно семантические и служебно-семантические функции.

Первая группа представлена лексическими морфемами-словами (*кенгуру*, *беж*) и корнями (*Днепр-*, *рек-*), а также словообразовательными аффиксами, не вносящими изменений в тип формообразования слова (приставки *сверх-*, *не-*, *архи-*, *ультра-*, *экс-* и т. п.; суффиксы *-оват-/еват-* в *слабоватый*, *-оньк-/еньк-* в *плохонький*, *темненький* и т. п.). Есть в этой группе и некоторые морфемы, обслуживающие синтаксис, например подвижные морфемы, маркирующие модальность высказывания (*мол*, *бишь*, *чай* и т. п.).

Вторую группу рассмотрим подробнее. В ее составе, по-видимому, нет лексических морфем (хотя и встречаются морфемы — служебные слова с чисто грамматическим значением вроде инфинитивной частицы *zu* в немецком языке). Морфемы второй группы могут обслуживать словообразование, формообразование и синтаксис. Примером служебно-семантических морфем, которые обслуживают словообразование, являются классические интерфиксы — соединительные морфемы сложных слов, стоящие между корнями (непосредственно между двумя корнями), как в *пар|о|ход*, *пыл|е|сос*, нем. *Arbeit|s|tag*, или между корнями, выступающими в сопровождении аффиксов, как в *цельносварный* (или *Lebensbeschreibung*).

За рамками словосложения мы встречаемся с «интерфиксами» в другом смысле (берем это слово в кавычки), т. е. с такими элементами в составе производных слов, как *-й-* в *кофейник*, *-ш-* в *киношник*, *-к-* в *аукать*, *-ин-* в *бакинский*, *бакинец*, *-ов-* в *вузовец*, *вузовский* и т. д.³ К такого рода элементам возможны два альтернативных под-

³ См.: Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; Она же. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (спорные случаи членения производных основ в современном русском языке) // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 69 и сл.

хода: включение интересующего нас отрезка в состав экспонента одной из «несомненных» морфем (корневой или аффиксальной) на правах усекаемой (чередующейся с нулем) части либо выделение этого отрезка в качестве экспонента отдельной морфемы, выполняющей специфическую служебно-семантическую функцию. Эта функция — оформление «второй основы», используемой в процессах словообразования вместо «первой» (исходной) иногда по морфонологическим соображениям (для избежания неудобных морфемных стыков), а иногда лишь в силу сложившейся традиции. Выбор решения — отдельная служебная, «основообразующая» морфема или усекаемая часть морфемы, и если часть, то какой именно морфемы (корневой или аффиксальной) — определяется учетом конкретных обстоятельств в каждом отдельном случае. Представляется все же, что в большинстве случаев более оправданным будет выделение особой основообразующей морфемы. Бывает и так, что основа, исходная с точки зрения синхронии, оказывается более «полной», чем производная; например, в *утка* с суф. *-(о)к-* и в *уточка* по сравнению с *утиный*, *утенок*. В этом случае суффикс можно квалифицировать как «суффикс первой основы», а «вторая основа» *ут'*-, состоящая из одного корня, имеет статус «связанной».

Переходя в область формообразования, мы встречаемся с очень типичными для строя флективных языков морфемами — показателями конъюгационных и деκлинационных разрядов. В русском, старославянском и многих других языках это так называемые тематические гласные — показатели спряжений в парадигме презенса (рус. [o] в *несешь*, [i] в *спишь* и особенно суффиксы второй основы: [a] в *писать*, *писал*, *спать*, *спал*, [i] в *ходить*, *ходил*, [e] в *гудеть*, *гудел*, [u] в *обмануть*, *обманул*). В древних индоевропейских языках это не только показатели спряжений, но и те суффиксы, которыми различаются отдельные парадигмы склонений.

Морфемы этого типа были охарактеризованы Н. С. Трубецким применительно к фактам русского спряжения как *Verbindungsmorpheme* — соединительные морфемы⁴. С точки зрения морфонологических особенностей глагольных основ и формативов словоформ глагола такая их трактовка во многих случаях оправдана — обычно они выступают как «гласные прокладки» там, где без них возникали бы неудобнопроизносимые столкновения согласных на морфемном

⁴ *Trubetzkoy N. Das morphonologische System der russischen Sprache // Travaux du Cercle linguistique de Prague, 5/2. Prague, 1934. S. 14—15.*

шве. Но ограничиться указанием на коннективную, соединительную функцию мы могли бы только в том случае, если соответствующая морфема вовсе не имела бы варьирования или обнаруживала бы лишь варьирование, обусловленное (если не сейчас, то хотя бы в прошлом) фонетически. Здесь же мы сталкиваемся с не мотивированным (ни семантикой, ни современной фонетикой, ни даже исторической фонетикой) плюрализмом показателей. Очевидно, приходится усматривать в этих показателях наряду с коннективной еще и классифицирующую функцию — отнесение основы к определенному словоизменительному типу, передачу информации о парадигме. Существенно указать на довольно четкую парадигматическую («вертикальную») связь: $[-i]$ - во второй основе всегда, а $[-e]$ - по большей части предполагают $[-i]$ - в презенсе; $[-a]$ - во второй основе обычно, а $[-u]$ - всегда предполагают $[-o]$ - или его неударенные соответствия в презенсе: *ходить* — *ходишь*, *гудеть* — *гудишь*, *рвать* — *рвешь*, *обмануть* — *обманешь* и т. д.

В именном формообразовании мы тоже встречаемся с суффиксами, не имеющими собственно семантических функций, например, в таких образованиях, как *мать* — *матери*, *дочь* — *дочери*. Основа без суффикса используется только в им. и вин. ед. ч.; во всех остальных падежах ед. ч. и мн. ч. суффикс представлен. Такая дистрибуция основ не позволяет приписать суффиксу какую-либо собственно семантическую функцию. Можно говорить только о технической, служебно-семантической функции — функции оформления «второй основы» соответствующих существительных. Эта «вторая основа» используется иногда и в им. пад. (как архаизм высокого стиля и в составе фразеологического сочетания *мать божия*) и широко используется в словообразовании (*материнский*, *дочерний*, но ср. *матушка*, *доченька* — без суф. *-er-*). В такого рода ситуации возможно и другое решение: не считать отрезок *-er-* воплощением отдельной морфемы, включать его в состав корня и говорить в нужных случаях об усечении конца корня, т. е. о чередовании в корне группы фонем с нулем.

В русском языке как будто нет чисто служебных морфем с синтаксическими функциями. Но вот примеры из некоторых других языков. В составе словосочетания возможны общие показатели самого факта связи между словами, не раскрывающие ближе конкретного характера этой связи. Именно такими общими показателями связи — морфемами-коннекторами с чисто служебными функциями — являются элементы, оформляющие изафетную конструкцию в

некоторых языках, например таджикское *-и* в *хонаи ман* 'моя комната', *роҳи оҳан* 'железная дорога' и т. п.⁵

Более узкой функцией облечена упомянутая выше приинфинитивная частица *zu* в немецком, как в известной мере и приинфинитивные частицы других германских языков. Немецкое *zu* не есть показатель инфинитива как такового. *Zu* ставится перед инфинитивом только в том случае, если этот инфинитив зависит от какого-то слова, которое не есть глагол из ограниченного списка (включающего модальные и немногие другие глаголы). Таким образом, *zu* — морфема-коннектор, показатель зависимости инфинитива от другого слова (кроме слов особого списка).

В некоторых языках представлены морфемы — чистые показатели относительного подчинения, например болг. *-то* в *който* 'тот, кто', 'который', *където* 'где' (относит.), *когато* 'когда' (относит.) и т. д. (ср. *кой* 'кто?', *къде* 'где?', *кога* 'когда?'); готск. *-ei* в *saei* 'тот, который', *ikei* 'я, который', *parei* 'там, где', *swaei* 'так что' (ср. *sa* 'этот', *ik* 'я', *par* 'там', *swa* 'так'). Можно сказать, что болг. *-то* и готск. *-ei* выражают в самом общем виде идею относительного подчинения, указывают на самый факт относительного подчинения, на подчиненный характер предикативного сочетания, выступающего как придаточное предложение. Конкретное семантическое «наполнение» подчинительной связи — отражающее те или иные связи явлений внеязыковой действительности — осуществляется при помощи других морфем, входящих в сочетание с *-то* и *-ei*.

Переходим к третьей группе, к морфемам, в содержании которых совмещаются собственно семантические и служебно-семантические функции. Типичный пример — морфемы согласовательных категорий, например флексии прилагательных в русском языке. Эти флексии указывают в первую очередь на связь прилагательного с другим словом в предложении, т. е. на связь между элементами высказывания. Но вместе с тем эта связь маркируется флексиями прилагательного не просто в общем, недифференцированном виде (как в упомянутых изафетных конструкциях таджикского языка), а в виде конкретного указания на грамматические признаки определяемого слова, на признаки, которые хотя бы частично связаны с областью собственно семантических функций. При согласовании все или некоторые граммы господствующего слова повторяются в

⁵ Сказанное не относится к курдским изафетным показателям, которые одновременно указывают также на число (ед. или мн.) и род (муж. или жен.). См. Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 264.

слове подчиненном. Если граммы господствующего слова как-то отражают внеязыковую действительность, то и их повторение в подчиненном слове несет, хотя и избыточную, информацию об этой действительности. При отсутствии (опущении) регенса такого рода информация из избыточной может превращаться в необходимую. Это относится не только к падежу и числу, но также и к грамматическому роду, который в соответствующих случаях указывает на пол соответствующего лица. Ср.: *Скажите дежурному* — *Скажите дежурной* (и: *Скажите дежурным*). Также и при омонимии существительных, обозначающих лиц мужского и женского пола: *ужасный плакса* — *ужасная плакса*; *наш Шура* — *наша Шура*.

Но и помимо явлений согласования мы часто имеем дело с совмещением в одной морфеме собственно семантических и служебно-семантических функций. Возьмем падежные флексии существительных в русском языке. «Что, в самом деле, непосредственно выражают формы какого-либо падежа? Ничего, кроме указания на место этих форм в парадигме и способность их получить в предложении одну из многих — формальных или семантических функций, закрепленных за этим падежом в системе данного языка»⁶. Действительно, морфемы падежа (флексии, а в значительной мере и предлоги) только ставят данное слово в соответствие некоторому множеству функций, как связанных между собой, так, в значительной мере, и гетерогенных. Например, именительный падеж в русском языке — это не только падеж субъекта-агенса, или — при страдательном залоге — пациенса, но и один из падежей предиката (наряду с творительным предикативным), и назывной падеж (падеж именованя, называния предмета), и падеж обращения, и форма имени, участвующая в отдельных фразеологизмах (*шутка сказать*); винительный падеж не только падеж прямого объекта, но и падеж временного протяжения (*жил там целую неделю*) и т. д. «Значение падежа», выражаемое падежной морфемой, т. е. значение типа 'именительность', 'винительность', есть только отсылка к некоторому набору функций. Такое значение может быть названо «формальным». Оно превращается в «содержательное значение» лишь в контексте. Формальное значение в этих случаях может рассматриваться как служебно-семантическая, а содержательное значение — как собственно семантическая функция морфемы. Там, где употребление косвенных падежей всецело определяется предлогами, формальный характер падежных значений типа 'родительность', 'дательность' и т. д. выступает особенно отчетливо.

⁶ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 91.

Числовые значения более прямо связаны с различиями внеязыковой действительности, чем падежные, но и они могут выхолащиваться и формализоваться, как мы наблюдаем это в ряде случаев, например в *pluralia tantum*. Все это вновь и вновь говорит о сложности и многослойности отношений между формой (выражением) и содержанием в языке: то, что является содержанием некоторой формы, оказывается, в свою очередь, лишь формой выражения некоторого содержания.

Представляется, что в свете высказанных соображений нет оснований изымать из числа морфем те морфемы, которые составляют вторую группу, и противопоставлять их «настоящим» морфемам под названием «асемантемы», «структемы» или под другим подобным названием. Они имеют свою определенную специфику, но в конечном счете составляют один общий класс с «настоящими» морфемами. Мы видим здесь не два резко противопоставленных класса, а один класс с двумя полюсами, между которыми имеется ряд постепенных переходов. Важно сохранить понятие морфемы как универсальной единицы языка. Нормальный текст на любом языке без остатка членится на морфемы, хотя эти морфемы бывают очень разными. Отметим, что даже авторы, которые хотят оперировать «морфемами» и «не-морфемами», чувствуют потребность в общем понятии, объединяющем те и другие⁷. Такому общему понятию надо дать какое-то имя. Вряд ли для него нужно изобретать новое наименование и отказываться от уже прочно укоренившегося бодуэновского термина «морфема». Ведь именно Бодуэн де Куртене постоянно подчеркивал двойственный характер функций морфемы, двойственность ее содержательной стороны. Так, в своем курсе «Введение в языковедение» он говорил, что морфема ассоциируется «как с представлениями внеязыковыми, семасиологическими, так и с представлениями морфологического характера»⁸.

Высказанное в последние годы некоторыми лингвистами мнение, будто признание морфем, лишенных собственно семантических функций, разрушает само понятие морфемы как значащей единицы языка, основано на слишком узком понимании языкового значения и на забвении бодуэновских формулировок.

⁷ Показательна позиция В. С. Гимпелевича, объединяющего «морфемы» и «асемантемы» в общем понятии «структемы». См.: Гимпелевич В. С. К вопросу об «асемантических морфемах» в русском языке // Проблемы семантики. М., 1974. С. 161.

⁸ Бодуэн де Куртене И. А. Избр. труды по общему языкознанию. Т. 2. С. 275 (ср. также с. 282, 291 и др.).

Наиболее специфичный параметр семантической типологии морфем — отношение значения морфемы к значению того целого, в состав которого она входит (т. е. к значению основы или сложного форматива, к значению слова, в конечном счете и к значению всего высказывания). Здесь возможны следующие основные случаи (между которыми имеются, конечно, постепенные переходы):

1. Значение морфемы прямо и непосредственно входит в значение целого. Так, в слове *ручка* 'маленькая рука' в целостное значение основы прямо и непосредственно входят и значение [в оригинале: «значения». — *Прим. ред.*] корня *рук-* 'передняя конечность человека или обезьяны' и значение уменьшительного суффикса. Соответственно лексикографическое толкование ('маленькая рука') включает прямое указание на значения составляющих морфем.

2. Значение морфемы лишь косвенно, опосредствованно входит в значение целого, оно превращается в компонент «внутренней формы», т. е. в компонент того мотивировочного значения, которое не фиксируется лексикографическим определением слова, а лишь «просвечивает», «угадывается» в слове за его актуальным значением.

Начало этого процесса мы можем наблюдать, например, в *ручка* 'рука дамы'. В этом лексико-семантическом варианте уже появляется специфическая смысловая надбавка, носящая идиоматический характер (ее нет в параллельных уменьшительно-ласкательных образованиях *рученька* и *ручонка*). Соответственно начинается процесс деактуализации морфемных значений. Правда, указание на значение корня еще включается в лексикографическое толкование ('рука дамы'), но значение суффикса уже выпадает из этого толкования, получая лишь статус мотивирующего элемента ('маленькая в смысле немужская'). В *ручка* (двери, чашки и т. д.), *ручка* (для писания) представлен следующий шаг: значения обеих морфем превратились в компоненты внутренней формы. В лексикографическом толковании этих лексико-семантических вариантов ни термин «рука», ни термин «маленькая» уже не фигурируют. Но поскольку внутренняя форма осознается здесь еще вполне отчетливо, мотивировочная функция обеих морфем сохраняется в полной мере. Сходным образом и во многих других производных словах. Так, в *ручной* 'прирученный' и в глаголе *приручить* корень оказывается носителем мотивировки (в отличие от *ручной* 'осуществляемый руками', например *ручная работа*, *ручное управление*, где значение корня прямо участвует в целостном значении прилагательного). А в *поручить*, *выручить*, *ручаться* можно наблюдать начало стирания внутренней формы, начало «побледнения» значения корня даже в качестве мотивирующего.

В сфере грамматических значений можно указать на западноевропейский перфект с глаголом обладания. Значение корневой морфемы вспомогательного глагола уже давно превратилось в компонент внутренней формы, к тому же уже почти не осознаваемой, и то же самое относится к значению морфем, содержащихся в формах причастия, т. е. к значению 'состояние объекта, созданное направленным на него действием' (англ. *I have read* по внутренней форме 'имею прочитанным', 'обладаю результатом действия прочтения', а по актуальному значению 'я прочитал' или 'я читал').

3. Значение отдельных морфем перестало быть даже компонентом живой внутренней формы. Оно не имеет и мотивировочной функции, оказывается вовсе «снятым» или аннулированным, хотя в формальном отношении соответствующая морфема выделяется еще совершенно четко. Таковы значения уменьшительных или ласкательных суффиксов в *сердце* (ср. *предсердие*), *точка* (ср. *многоточие*, *двоеточие*), префиксов в *продать*, *покупать*, префикса и корня в *забыть* и т. д. На этой ступени значение целого иногда даже прямо противоречит собственным значениям части грамматических морфем этого целого. Но так как собственные значения таких морфем оказываются «снятыми», не существующими для сознания говорящих, то никогда не возникает ощущения катахрезы или оксюморона. Типичным примером могут служить основы сов. вида, сохраняющие в своем составе суффикс имперфективации, остающийся от предыдущих деривационных шагов. Так, в составе основы *повытисыва*- сов. вида сохраняется суф. *-ыва-*, придавший значение несов. вида основе *вытисыва*- в акте ее создания от основы *вытис-*/*вытиси-*. Но в *повытисыва*- сохраняется только суф. *-ыва-*, а вовсе не значение несовершенности, внесенное этим суффиксом на определенном этапе, а затем «упраздненное» присоединением приставки *по-*.

В образованиях, представляющих собой цепочки из трех-четырех и более морфем, т. е. таких, которые являются производными второй и последующих ступеней, вообще чаще всего значения ряда звеньев подобной цепочки оказываются в большей или меньшей мере приглушенными, ущербными, а то и вовсе снятыми, что в разных формулировках и применительно к разным конкретным примерам уже отмечалось в литературе⁹.

⁹ См., например: Янко-Триницкая Н. А. Словообразовательная структура и морфемный состав слова // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972; Морозова М. И. Эволюция принципов морфемного анализа в русском языкознании // Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1975. Т. 141.

Нередко в морфемном составе одной словоформы бывают представлены морфемы, значения которых находятся на разных ступенях описанной здесь схемы. У морфем, совмещающих несколько значений, бывает и так, что одно из них выступает как вполне актуальное, а другое — лишь в снятом виде. Такая картина наблюдается, например, в предложных сочетаниях: грамматическое значение числа, передаваемое флексией, сохраняет полностью свою актуальность, а значение падежа оказывается снятым или, скорее, «подавленным» значением предлога, т. е. аналитического показателя падежных отношений (и нередко однозначно предсказуемым, т. е. совершенно избыточным). Ср. *для товарища* — *для товарищей*.

Предшествующее изложение, конечно, не могло исчерпать тему «семантическая типология морфем» во всех ее аспектах. Здесь на сравнительно небольшом материале были лишь бегло намечены некоторые линии и рубрики такой типологии. Высказанные соображения показали, что значение морфемы — специфическая сущность, не всегда совпадающая с тем понятием значения, которое сложилось с опорой на значения слов и более или менее отчетливых по своему мыслительному содержанию грамматических категорий. Значение морфемы всегда не завершено, нередко ущербно или формально, порой выступает в «снятом виде», хотя и восстанавливается сравнительно легко несложным лингвистическим анализом. Значения морфем — это лишь «молекулы смысла», своего рода полуфабрикаты, более или менее готовые, но окончательно доводимые до «пригодного к употреблению» состояния лишь в сочетании со многими другими значениями морфем в процессе живого функционирования языка в речи.